

ЭКОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА, ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Антология экологии / Состав. и коммент. чл.-корр. РАН Г.С. Розенберга.
Тольятти: ИЭВБ РАН, 2004. 394 с.

Розенберг Г.С. Лики экологии. Самара: Самарский научный центр РАН, 2004. 224 с.

Г.С. Розенберг, директор Института экологии Волжского бассейна РАН, чл.-корр. РАН является одним из самых продуктивных авторов в российской (и не только в российс-

кой) экологии. Круг его интересов достаточно широк и охватывает вопросы общей экологии, математические методы энвйронменталистики, социальной экологии (концепция

устойчивого развития) и истории науки об отношениях организмов и условий среды. Последнее направление творческого поиска Г.С. Розенберга отразилось в двух рецензируемых книгах. Несмотря на то, что у них разные задачи, это, безусловно, две части единого целого. Обе книги уникальны и не имеют аналогов.

Первая книга – хрестоматия, включившая в общей сложности 20 работ зарубежных и отечественных исследователей, начиная от Э. Геккеля и заканчивая классиками экологии, которые представляли ее “золотой век” – первую половину XX столетия. Большинство работ, включенных в “Антологию”, практически недоступно для экологов, работающих вне столиц. К сожалению, почти на нет сошла служба межбиблиотечных абонементов, а уровень финансового обеспечения научных учреждений и вузов столь низок, что поездка для работы в центральную библиотеку стала большинству преподавателей и научных сотрудников “не по карману”. Можно сказать, что “Антология” подобна спасательному кругу, брошенному Г.С. Розенбергом в информационный вакуум, в котором оказались многие экологи. Прочитав работы, включенные в этот сборник, многие из них сделают вывод о том, что новое – это хорошо забытое старое. Уровень теории в работах наших предшественников был высоким.

“Антология” открывается содержательным предисловием “От составителя”, эпиграфом к которому взяты строки из Книги Екклесиаста: “А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг – конца не будет, и много читать – утомительно для тела”. Руководствуясь этой рекомендацией, составитель отобрал сравнительно немного работ, которые действительно являются этапными для экологии. На содержание сборника повлияли и некоторые случайные моменты, такие, как пожар в БАНе (Библиотеке АН в Ленинграде), после которого в ИЭВБ попали книги из личной библиотеки академика В.Н. Сукачева, в частности, работа И.К. Пачоского в переводе Сукачева. Перевод оригинальных работ, впервые публикуемых на русском языке, выполнен Г.С. Ро-

зенбергом и его дочерью А.Г. Розенберг, Б.М. Миркиным и другими. Отметим, что предисловие, как и комментарии к статьям, включенным в “Антологию”, написаны раскованным (и даже очень раскованным) языком, характерным для Г.С. Розенберга.

В “Антологии” отражается научная биография его составителя – “из фитоценологии в экологию”, значительная часть работ – фитоценологическая: Варминг Е. “Экологическая география растений. Введение в изучение растительных сообществ”; Раменский Л.Г. “О сравнительном методе экологического изучения растительных сообществ” и “Основные закономерности растительного покрова и их изучение (на основании геоботанических исследований в Воронежской губ.”; Глизон Г. “Индивидуалистическая концепция растительных ассоциаций”; Уиттекер Р. “Прямой градиентный анализ: техника”, “Прямой градиентный анализ: результаты”; Пачоский И.К. “Смены растительного покрова”; Сукачев В.Н. “Идея развития в фитоценологии” и “Биогеоценология и фитоценология”). Разумеется, любые работы о растительности всегда в той или иной мере экологические, т.к. растительные сообщества интегрально отражают характер абиотической среды и во многом определяют состав гетеротрофных компонентов экосистем.

Пожалуй, наиболее интересной в этой подборке является работа Е.А. Варминга, который вошел в историю науки о растительности как создатель одного из лучших вариантов физиономической классификации на основе формаций, выделяемых по жизненным формам. Однако из опубликованного фрагмента его знаменитой ботанико-географической монографии мы узнаем, что Варминг был и глубоким фитоценологом, который сформулировал основы учения о растительных сообществах как совокупностях видов, организованных условиями среды и взаимными отношениями. При этом он весьма реалистически оценивал сложности различения классификации сообществ. Так, Варминг писал: “Очевидно, что все эти обстоятельства делают очень затруднительным научное понимание, оценку границ, опреде-

ление и систематику растительных сообществ, особенно при настоящем состоянии наших знаний, когда мы только начинаем изучать жизненные и общественные формы растений, причем бесконечно много еще остается неизвестным для нас. Другое затруднение состоит в выборе хороших названий для более или менее богатых видами главных или второстепенных растительных сообществ, встречающихся в природе и придающих ландшафту разнообразную физиогномию, а также в верной оценке значения флористических отличий” (с. 26).

Работы В.Н. Сукачева представляют бесспорный исторический интерес как этап развития нашей науки, когда она находилась под давлением идеологических догм (Сукачев приводит даже цитату из работы И.В. Сталина). Статьи Сукачева отразили период противопоставления “социалистической” и “буржуазной” науки: биогеоценоз был противопоставлен экосистеме. В результате этого со временем в литературу пришли “биогеоценоз океана” и “биогеоценоз аквариума”, и надолго закрепилась блочная схема строения биогеоценоза, где все растения (фитоценоз) взаимодействуют со всеми животными (зооценоз), почвой и климатом. Эту схему подверг жесткой критике Л.Г. Раменский. Г.С. Розенберг деликатно уклонился от комментария такой идеологизированной концепции. К слову, сегодня соотношение понятий “биогеоценоз” и “экосистема” вполне уравновешено. Биогеоценоз рассматривается как один из территориальных рангов наземных экосистем (однородная экосистема, границы которой маркируются фитоценозом), а о биогеоценологии как самостоятельной науке больше не говорят.

Экологическая часть “Антологии” включила работы Э. Геккеля (“Всеобщая морфология организмов. Общие основы науки об органических формах, механически основанной на теории эволюции, реформированной Чарльзом Дарвиным”), А. Тэнсли (“Использование и злоупотребление растительными концепциями и терминами”), Е. Одума (“Стратегия развития экосистем”), Г.Ф. Гаузе (“О процессах уничтожения одного вида другим в популяциях инфузо-

рий”), В.В. Станчинского (“О значении массы видового вещества в динамическом равновесии биоценозов”), Р. Линдемана (“Трофико-динамический аспект экологии”), Дж. Хатчинсона (“Дань Санта Розалии, или почему так много видов животных?”), “Парадокс планктона”), Р. Мак-Артура (“Модели видового разнообразия”), Р. Уиттекера (“Эволюция и измерение видового разнообразия”). Публикуется также заметка В.И. Вернадского “Несколько слов о ноосфере”.

Неожиданной для читателя является работа Станчинского, который традиционно рассматривается как один из теоретиков охраны природы и борец с “неистовыми интродукторами”, ставившими своей задачей “обогащать” иноземными видами видовой состав экосистем, включая и заповедные территории. В этой работе Станчинский предстает перед нами как крупный эколог-теоретик, анализирующий функционирование экосистем и феномен экологического равновесия в пищевых цепях. Полагаем, что, все-таки, нужно было включить в “Антологию” и одну из работ Станчинского по охране природы.

Публикуемые заметки В.И. Вернадского показывают, что никакой “концепции ноосферы” им сформулировано не было. В своем комментарии Розенберг присоединяется к оценкам Р.К. Баландина, который писал, что “...нет законченного и непротиворечивого толкования сущности материальной ноосферы как преобразованной биосферы... наша идеальная ноосфера более походит на символ веры, чем на объект научных исследований” (с. 392). Полагаем, что Розенберг дал недостаточный комментарий к этим заметкам, тем более что в других его работах был выполнен глубокий анализ антропоцентрической природы ноосферы в понимании Вернадского.

Книга “Лики экологии” включает очерки (с фотографиями, к сожалению, частью плохо пропечатанными) о 44 предтечах, 44 классиках и 59 современниках. Отдельно помещены очерки о 25 членах секции Общей биологии Отделения биологических наук РАН и о 58 энвайронменталистах. В каждом очерке показан не только вклад ученого в теорию или практику экологии, но и дана ха-

рактика личности эколога. Названия некоторых очерков отражают вклад ученых в науку и область их научной деятельности. Например, “Популяционная биология растений” (Дж. Л. Харпер); “Теоретик” (Р. Мак-Артур); “Академик-секретарь” (В.Е. Соколов); “Консорция” (В. Мазинг). Но чаще названия очерков образные, раскрывающие личности ученых. Например, “Очень приятный человек” (Е.М. Лавренко); “Магнит” (А.А. Уранов), “Один из наиболее творческих и щедрых умов” (Р. Линдеман); “Экологический тореадор” (Р. Маргалев); “Хоть одним глазком взгляну на Париж..., мечтал Кутузов...” (А.М. Гиляров); “Не спал всю ночь: все вспоминал, как дыни в учебнике зовутся по латыни...” (С.И. Забелин).

Можно обсуждать целесообразность включения в “Лики” некоторых ученых и

частные моменты оценок их вклада, но очевидно одно: Г.С. Розенбергом осуществлен беспрецедентный опыт синтеза информации об участниках экологического сообщества. Все, включенные в список, начиная от древних греков и заканчивая современными академиками, стали нам ближе.

Общая оценка рецензируемых книг – однозначно высокая. Однако если тираж “Ликов” (300 экз.) достаточен, то 200 экз. “Антологии” – мало. Необходимо переиздать эту книгу большим тиражом и тем самым сделать ее доступной широкому контингенту преподавателей экологии вузов и даже школ.

© *Л.Г. Наумова,*

Башкирский государственный педагогический университет, г. Уфа